

Когда Су Цы наконец вышел из общежития, часы уже показывали девять тридцать.

Он привычным жестом достал из второй пространственной пуговицы увесистый пакет с картофельными чипсами весом в пол-цзиня, с треском вскрыл вакуумную упаковку и, прищурившись, попробовал один кусочек. Оказалось, что чипсы были с острым перцем.

Неплохо, даже очень неплохо. Было бы чудесно, если бы к такой закуске нашлось немного хорошего вина.

Впрочем, Су Цы понимал, что в нынешних ограниченных условиях привередничать не стоит, поэтому и таким вариантом был вполне доволен.

Медленно, по одной вынимая хрустящие чипсы и отправляя их в рот, он неспешным шагом вошёл в лифт и поднялся в комнату отдыха, расположенную на втором этаже.

Разумеется, сегодня он снова опоздал. Стоило ему встретиться с роботом-няней № 4586, как он тут же столкнулся с его суровым, хоть и механическим, осуждением.

– Сусу, ты опять опоздал! – воскликнул робот.

Мягкий и бодрый голос робота-няни звучал очень мило, а с маленьким жёлтым цветочком на голове он не внушал ни капли страха.

Су Цы лишь спокойно кивнул в ответ, снова закинул в рот чипсу и только после этого обвёл внимательным взглядом комнату отдыха.

Его взор сразу же упал на номер три, который тихо сидел в самом углу.

Этот красивый незрячий ребёнок пребывал в полном уединении: он не шумел, не капризничал и не пытался привлечь внимание, словно создав вокруг себя невидимую стену и закрытый от

всех мир.

Однако в полной противоположности этому тихому уголку, в центре комнаты сцепились в яростной драке двое детей.

Очевидно, робот-няня № 4586 заметил это только что.

- Ци-ци, Ба-ба, немедленно разойдитесь! - засуетился робот. - Хорошие детки не должны драться!

В его голосе тут же зазвучали нотки притворного испуга.

Он немедленно оставил Су Цы, мгновенно перестав попрекать его опозданием, и быстро влетел в самую гущу событий. Вытянув длинные механические руки, он силой разнял дерущихся детёнышей.

Двумя ссорящимися оказались номер семь и номер восемь.

У этих детей звероформа проявлялась неявно: у одного на голове забавно красовались маленькие оленьи рожки, у другого за спиной нервно подергивался волчий хвост. После того как робот-няня их разделил, они не стали продолжать потасовку.

Судя по всему, рассудок всё ещё был при них, и в состояние полного неистовства они так и не впали.

- Эту игрушку я присмотрел первым! - возмущённо выпалил номер восемь, вызываяще уперев руку в бок и указывая на номер семь.

Синяки и ссадины на лице юного сорванца уже почти зажили, и он больше не выглядел таким жалким, как вчера вечером, вот только на щеках добавилось несколько свежих, чётких следов от укусов и глубоких царапин.

Старые раны ещё не успели окончательно затянуться, как появились новые, но мальчишка совершенно не обращал на это внимания. Его куда больше заботила игрушка, которую он присмотрел, или, вернее сказать, та, которую у него бесцеремонно отобрали.

Судя по порядковому номеру, номер семь прибыл в приют для детёнышей раньше, чем номер восемь, однако по возрасту он был примерно как номер пять – лет пяти-шести.

У этого ребёнка с серебристо-белыми волосами были удивительно чистые и яркие оленьи глаза – глубокие, чёрные, как ночное небо, но с лёгким, едва уловимым синеватым отливом.

Сам он был довольно хрупкого, даже болезненного телосложения и на фоне номера восемь, который развивался очень хорошо и изначально был крепче обычных детей, казался совсем крошечным.

Тем не менее, столкнувшись с номером восемь, этот ребёнок с оленьими рождками, чей звериный облик, судя по всему, принадлежал травоядному виду, ничуть не испугался.

Он крепко, почти отчаянно прижимал к груди длинный трубчатый предмет, очень похожий на флейту, и даже получив от номера восемь увесистый удар, от которого под глазом остался заметный синяк, не выпустил её из рук.

Услышав гневные слова номера восемь, ребёнок тяжело фыркнул и с явной насмешкой ответил:

– Ты всё равно не умеешь на ней играть, для тебя это просто пустая трата! Глупый волк!

Хотя он был того же возраста, что и номер пять, его речь была куда более бойкой и уверенной. Даже отобрав игрушку у номера восемь, он держался так, будто это было самым естественным порядком вещей.

В его холодном взгляде, брошенном на противника, читалось неприкрытое презрение.

От такого пренебрежения номер восемь покраснел от ярости, а его пушистый хвост, и без того густой, вмиг распушился, как у настоящего разъярённого зверя.

– Не твоё дело, умею я играть или нет! – раздражённо выпалил он, снова указывая пальцем на номер семь. – Я взял эту игрушку первым, по правилам сегодня она моя! Отдай её мне сейчас же! – сказав это, номер восемь, пока робот-няня № 4586 отвлёкся, стремительно отступил на несколько шагов назад, а затем, ловко кувыркнувшись, прямо через слепую зону робота снова прыгнул вперёд и с силой повалил номер семь на пол.

Он двигался слишком быстро, и номер семь просто не успел среагировать. Впрочем, он не стал сдаваться без боя: лёжа на спине и всё так же крепко прижимая флейту к груди, он резко вскинул ноги и ударил ими прямо в живот номера восемь.

Увы, номер восемь был готов к такому повороту.

Он ловко заблокировал удар рукой, успешно отразив эту «оленью атаку», а затем, вытянув длинную руку, с силой схватил ребёнка за горло.

В зелёных глазах юного сорванца промелькнул свирепый, почти животный блеск, и он, широко открыв рот, собрался вцепиться в нежную, уязвимую шею товарища –

– Номер восемь.

Мягкий, спокойный и удивительно ровный голос юноши внезапно раздался в комнате отдыха. Номер три, сидевший в углу, медленно поднял голову, а номер восемь, который уже готов был прокусить горло номеру семь, внезапно замер.

«Этот голос...»

Номер восемь моргнул, и что-то глубоко в душе неожиданно дрогнуло.

В полном замешательстве кровожадный блеск в его глазах погас. Хотя его губы уже коснулись тонкой и нежной кожи на шее номера семь, зубы так и не сомкнулись.

Трудно было даже представить, что произошло бы, если бы он всё же укусил: погиб бы номер семь или же, вкусив крови сородича, номер восемь окончательно утратил бы остатки человечности и превратился в настоящего, неуправляемого зверя.

В сцене, которая мгновенно стала смертельно опасной, внезапно возникла гнетущая пауза.

Номер семь лежал на полу, плотно прижатый к земле. Его шею продолжали сжимать, и хотя номер восемь не решился на укусы, ребёнок уже успел ощутить мучительную, раздирающую нехватку воздуха.

Как раз в тот момент, когда перед глазами начало стремительно темнеть, конечности обмякли, и он по-настоящему ощутил ледяное приближение смерти...

И вдруг руки, сжимавшие горло, внезапно разжались.

Номер семь жадно вдохнул свежий воздух. Искажённая и поплывшая картинка перед глазами постепенно пришла в норму, и тогда он увидел крайне странную сцену:

Восьмой, у которого всегда было больше физической силы, чем ума, был поднят за шиворот одной рукой тем самым новеньким, на вид тщедушным воспитателем.

Это выглядело крайне комично и нелепо.

Номер семь решил, что наверняка бредит от кислородного голодания. Он попытался широко раскрыть глаза, чтобы разглядеть всё получше, но головокружение накатывало тяжёлыми волнами, и в конце концов, закатив глаза, он окончательно потерял сознание.

Однако было очевидно, что увиденное номером семь перед обмороком вовсе не было галлюцинацией.

Восьмой, которого держали за шиворот, тоже пребывал в полном замешательстве. Он только собрался было замахнуться конечностями, пытаясь вырваться из захвата, как услышал тот самый знакомый голос, лениво прозвучавший прямо у него над ухом:

– Ты что, только что пытался его поцеловать?

Су Цы мельком взглянул на лежащего на полу ребёнка, убедился, что его жизни больше ничего не угрожает, и продолжил, обращаясь к восьмому:

- У вас и правда такие хорошие, близкие отношения.

«Что за бред?!»

Восьмой вмиг забыл о том, что собирался вырываться.

Он покраснел до самых корней волос, сердито уставился на воспитателя, который неизвестно когда успел подойти к нему вплотную, и яростно взревел:

- С чего бы мне его целовать?! Каким глазом ты увидел, что у нас хорошие отношения?!

Клевета! Это была ужасная, вопиющая, неслыханная клевета!

Су Цы увидел, что глаза мальчишки пришли в норму, и наконец отпустил его шиворот.

Этот волчонок... ведь только вчера он уже помог ему упорядочить и подавить часть силы крови, а сегодня тот снова чуть не натворил дел...

Всё-таки А Янь был лучше всех: такой послушный, тихий и совершенно не доставляет хлопот.

А робот-няня № 4586, наконец придя в себя, поспешно подлетел и подхватил лежащего на полу без сознания номер семь.

Ребёнок мягко прильнул к груди робота-няни. Его лицо было бледным как полотно, а на тонкой шее виднелись отчётливые красные следы - те самые, что остались после того, как его душил восьмой.

С закрытыми глазами, без тени недавнего презрения и насмешек, этот миловидный и симпатичный ребёнок выглядел таким хрупким и жалким, что невольно вызывал глубокую жалость.

Флейта, которую он до последнего мгновения сжимал в руках, выпала из ослабевших пальцев хозяина, с тихим стуком упала на пол и медленно покатилась к ногам восьмого.

Юный сорванец, который только что собирался яростно спорить с Су Цы, вдруг опустил голову, посмотрел на флейту, затем на потерявшего сознание номер семь и внезапно притих.

Электронные глаза № 4586 излучали ровный свет, сканируя состояние ребёнка.

– Обморок вследствие удушья и нехватки кислорода, угрозы жизни нет. Травмы шеи от сдавливания, ушиб и ссадина в области глаза. Рекомендуются лечение медицинским спреем K143U. Конец связи.

Как только механический голос смолк, № 4586 снова переключился на свой привычный милый тон:

– Ой-ой-ой, Ци-ци потерял сознание, нужно немедленно оказать малышу помощь!

Затем № 4586 достал из своего механического корпуса медицинский спрей и начал аккуратно распылять его на шею и область глаза номера семь.

Услышав диагноз, восьмой заметно выдохнул с облегчением, но, заметив, что воспитатель смотрит прямо на него, тут же снова ошетинился.

– Чего уставился? Никогда не видел, как люди дерутся? – юный сорванец наклонился, поднял флейту, валявшуюся у его ног, и упрямо добавил: – Кто просил его отбирать мою игрушку? Так ему и надо!

Несмотря на эти грубые слова, он не переставал украдкой, с какой-то странной тревогой поглядывать на номер семь.

Закончив с оказанием первой помощи, № 4586 оставил комнату отдыха на попечение Су Цы, а сам, бережно прижимая к себе ребёнка, ушёл, чтобы устроить его в комнате.

Проводив взглядом удаляющегося с номером семь робота, восьмой поник, и его пушистый хвост опустился. Он покрутил в руках флейту и вдруг почувствовал, что ему стало ужасно, невыносимо скучно.

Однако, чувствуя на себе пристальный взгляд Су Цы, он не решился выбросить только что отвоёванную игрушку, поэтому продолжил вяло вертеть её в руках.

Вскоре он принялся: ему показалось, что он чувствует какой-то очень приятный, манящий аромат, очень похожий на запах вкусной еды...

В этот момент в комнате отдыха из детей остались только он и номер три.

Когда № 4586 унёс номер семь, номер три снова опустил голову и продолжил увлечённо играть со своим металлическим шариком, вновь демонстрируя полное отсутствие интереса к окружающему миру.

Су Цы обвёл взглядом помещение и спокойно спросил:

– А где номер пять и номер шесть?

Услышав это, восьмой отвлёкся. Он скривил губы и ответил:

– Пятая не захотела выходить играть, а шестая всё ещё спит.

Ежедневное время активности не было обязательным для всех детёнышей, но обычно они не любили сидеть в четырех стенах и, как только наступало время прогулки, сломя голову выбегали наружу.

Было действительно странно видеть, чтобы кто-то, как номер пять, наотрез отказывался выходить.

– Подумать только, кому-то не нравится выходить играть, хочется сидеть в комнате. № 4586 как ни звал её, она и слушать не хотела. Я сам ходил её звать, а она на меня ещё и накричала. Скажи, разве она не странная?

Восьмой уже совершенно забыл о том, как Су Цы держал его за шиворот, и теперь ворчливо, почти по-дружески жаловался ему.

Вдруг его что-то осенило, и он с воодушевлением посмотрел на Су Цы:

– Это точно потому, что ты вчера не привёл четвертую обратно, вот она и злится!

Надо признать, несмотря на свой бесшабашный и дикий характер, восьмой обладал довольно острой интуицией.

Су Цы лишь пожал плечами, не испытывая ни малейших угрызений совести из-за того, что вчера довёл девочку до слёз.

Пока восьмой продолжал принюхиваться, пытаясь найти источник того самого притягательного аромата, Су Цы взглянул на флейту в руках ребёнка и спросил:

– Ты раньше никогда не играл на этой штуке?

Тем временем в саду культивации базы № 24.

У Юньцинъ вместе с ассистентом меняли воду в установках для гидропоники. Работа в саду культивации была практически полностью автоматизирована, так что им двоим даже не требовалось делать это вручную.

Она смотрела на растения в новых контейнерах для выращивания, и в её глубоких глазах читалась бесконечная, затаённая печаль.

<http://bllate.org/book/18549/1811073>